

Императрица
Елизавета Алексеевна

«Не стану я жалеть о розах»: интеллектуальный гардероб императрицы

На стр. 186

Page 186

61

Неизвестный художник

Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны

Unknown artist

Portrait of Empress Elizabeth Alexeievna

Начало XIX в.

Холст; масло

78,0 x 60,3 см

ГЭ. Инв. № ЭРЖ-613

Поступление: в 1941 г. из Государственного
музея этнографии народов СССР

Елизавета Алексеевна (урожденная Луиза-Мария-Августа, принцесса Баденская; 1779–1826) — дочь маркграфа Баденского Карла Людвига. В октябре 1792 г. приехала в Петербург, в сентябре приняла православие и вышла замуж за великого князя Александра Павловича. С 1801 г. — императрица.

Ю. Г.

«Она была хороша собою, как ангел, одета в розовое платье, вышитое большими белыми розами, с белой юбкой, вышитой таким же образом розовыми цветами; ни одного бриллианта в распущенных русых волосах»¹. Так выглядела четырнадцатилетняя баденская принцесса Луиза 9 мая 1793 г., в день своего перехода в православие, когда она получила новое имя — Елизавета Алексеевна. Той же осенью она стала женой великого князя Александра Павловича, пятнадцатилетнего наследника престола.

Семь лет спустя диванчик, стоявший в нише ее кабинета в только что отстроенном Михайловском замке, был обит «бархатом розового цвета, словно бы покрытым тончайшим кружевом», из того же бархата были и драпировки².

По прошествии еще нескольких лет императрица Елизавета, отказываясь от доставленного из модной лавки нового платья, пояснила: платье розовое, а розового она с некоторых пор просила ей не присылать³. Кажется, ее предпочтения изменились не случайно.

Из череды русских императриц Елизавета Алексеевна выделялась интеллектуальностью, приверженностью к чтению и музицированию, склонностью к уединению, отстраненностью от политики и жизни двора, бездетностью и неудачной семейной жизнью. Многие современники видели в ней фигуру романтическую, страдающую и исполненную нравственных достоинств.

О ее детстве и отрочестве, проведенных в Карлсруэ, мы знаем немного. Бесспорно, впрочем, что под присмотром матери, маркграфини Амалии Баденской, Луиза получила серьезное образование и продуманное воспитание, рано сформировавшие как ее интеллект, так и характер. Европейски просвещенный наблюдатель вскоре после приезда принцессы в Петербург отметил: она «выросла при небольшом дворе... где, вследствие притока эмигрантов из Франции, на ее развивающийся ум лег отпечаток изящества и хорошего вкуса — красугольных камней частной жизни»⁴. Он же, считая юную великую княгиню взрослее и глубже своего супруга, которого это обстоятельство не могло не ранить, предположил, что брак вряд ли окажется счастливым.

62 ►

Императрица Елизавета Алексеевна

Empress Elizabeth Alexeievna

Гравюра Ф. Вендрамини по рисунку

Луи де Сент-Обена

[1813]

Бумага; типографская печать

ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 119. Л. 1

Под портретом слева: *Lis. de St. Aubin del.*;

справа: *Fois. Vendramini sculpt*

Ниже: *Elisabeth Alexiowna Imperatrice*

de toutes les Russies Dédié a Sa Majesté

l'Empereur Alexandre Premier

Внизу листа справа: *par Son très, très obeissant et*
tres respectueux Serviteur Francois Vendramini

И. З.

¹ Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I. М., 1912. С. 293–294.

² L'année la plus remarquable de ma vie... par A. de Kotzbuë. T. 2. P., 1802. P. 203.

³ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1385. Л. 2 (Записка без даты рукой Елизаветы Алексеевны).

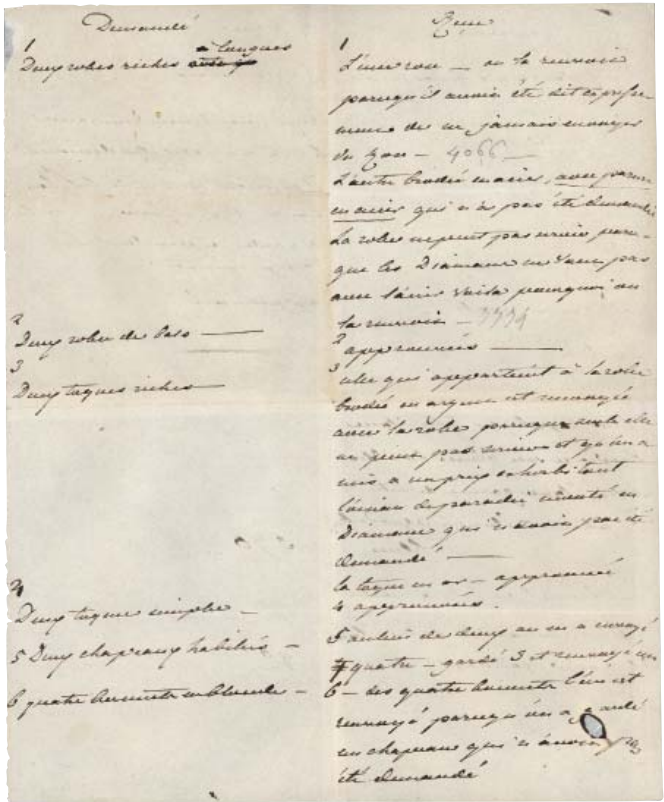
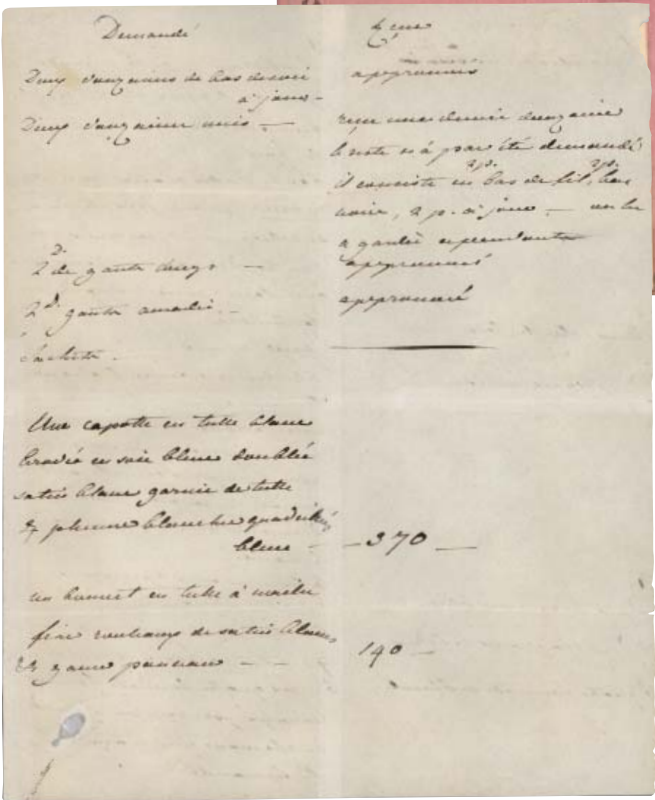
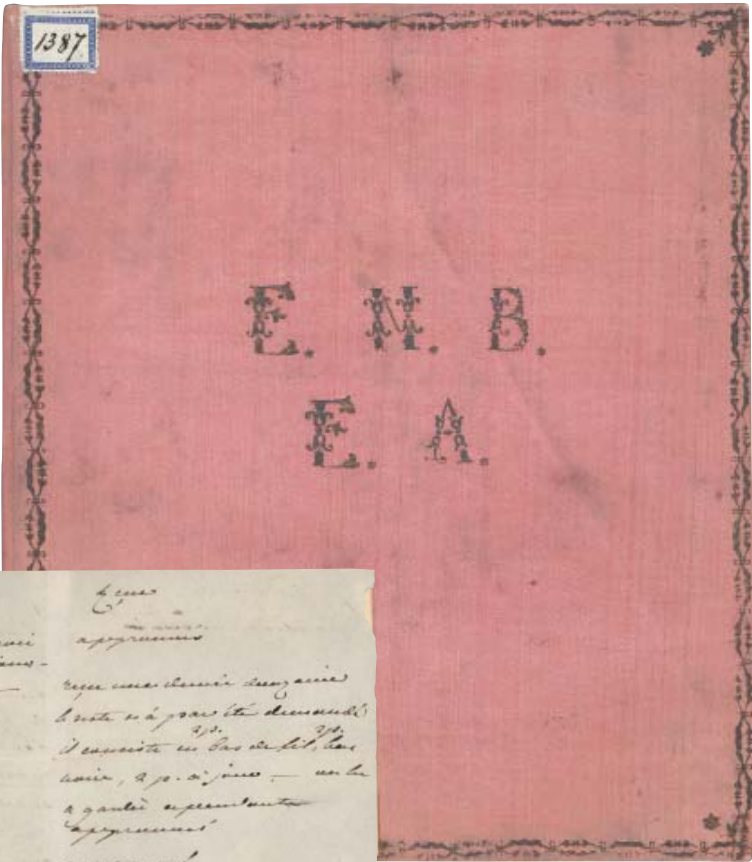
⁴ Comte Fedor Golovkine. La Cour et le regne de Paul Ier, portraits, souvenirs et anecdotes. P., 1905. P. 278.

Р. Чернявский
**Ода, посвященная императрице
Елизавете Алексеевне**
R. Cherniavsky
Ode, dedicated to Empress Elizabeth Alexeievna

Б/д
Бумага, чернила; рукопись;
обложка — картон в розовом атласном переплете
с монограммой «Е. И. В. Е. А.»
ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1387

В. З.

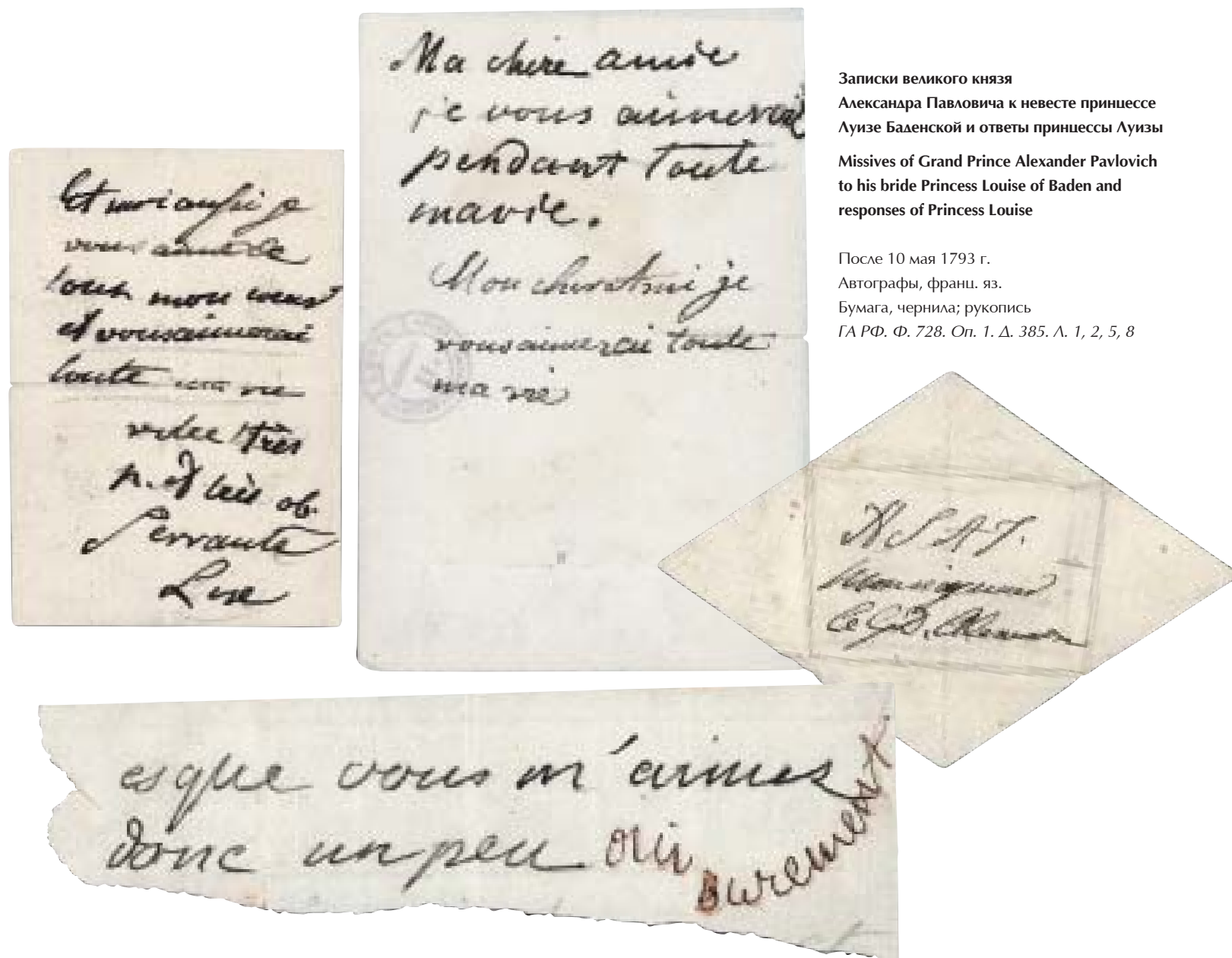
63

Собственноручная записка
императрицы Елизаветы Алексеевны
о заказе туалетов и шляп
**A handwritten note of Empress
Elizabeth Alexeievna
on ordering outfits and hats**

После 1801 г.
Автограф, франц. яз.
Бумага, чернила; рукопись
25,5 x 21,0 см
ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1385. Л. 2–2 об.

«Заказано.
1. два нарядных платья
2. два бальных платья
3. два нарядных
головных убора теплых
4. два простых головных убора
5. две повседневные шляпы...»

С. Х.

Записки великого князя
Александра Павловича к невесте принцессе
Луизе Баденской и ответы принцессы Луизы
Missives of Grand Prince Alexander Pavlovich
to his bride Princess Louise of Baden and
responses of Princess Louise

После 10 мая 1793 г.
Автографы, франц. яз.
Бумага, чернила; рукопись
ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 385. Л. 1, 2, 5, 8

Императрица-мать Мария Федоровна, со своей стороны, позднее говорила, что Александр и Елизавета могли бы стать превосходной парой, если бы их не поженили так рано. Впрочем, у нее была своя обида: Екатерина II едва не с самого рождения внуков — Александра и Константина — сама занималась их воспитанием, отстранив невестку. В вопросе брака с ней тоже не очень-то посчитались, женив Александра на родной племяннице рано умершей первой супруги Павла Петровича — великой княгини Натальи Алексеевны (урожденной принцессы Гессен-Дармштадтской). Отношения между Марией Федоровной и Елизаветой не сложились и всегда сохраняли напряженность.

Тем не менее ранний период союза Елизаветы и Александра напоминал идиллию. Их связывала тогда если не любовь, то близкая дружба. Сохранились трогательные записочки, которыми они обменивались накануне помолвки. Во время карточной игры в гостиной они писали друг другу на картах по-французски: «Любите ли Вы меня хоть немного?» — «Да. Конечно»; «Мой милый друг, я Вас буду любить всю мою жизнь». — «Мой любезный друг, я Вас буду любить всю мою жизнь».

Л. 1–2 — (игральные карты) Луиза: «И[мператорскому] В[ысочеству] Господину В[еликому] К[нязю] Александру. И я тоже люблю Вас всем сердцем и буду любить всю жизнь. Ваша покорнейшая служанка Лиз» (Л. 2).
Л. 5 — Александр: «Любите ли Вы меня хоть немного?» Ответ Луизы: «Да, конечно».
Л. 8 — Александр: «Мой милый друг, я Вас буду любить всю мою жизнь».
Ответ Луизы: «Мой любезный друг, я Вас буду любить всю мою жизнь».

С. Х.

От тех дней осталась и записка Александра Павловича воспитателю графу Н. И. Салтыкову: «С несказанным удовольствием уведомляю Вашего Сиятельства, что дело совершилось. Я нашел случай вчерась ввечеру уведомить принцессу об моих чувствах к ней, и я так счастлив был, что она призналась мне, что она им соответствует и что она меня любит. Я по матушкиному приказу был у батюшки, чтобы уведомить его об сем»⁵. Конечно, жених и невеста, почти дети, скорее играли в чувства, но играли искренне, при этом воспроизводя поведение героев сентиментальных романов.

Двор умилялся: пара была на редкость красивая. Стало принято в стихах и прозе сравнивать их с Амуром и Психеей. Мемуаристы рассказывают, что Елизавета имела тонкие, нежные черты лица, стройный стан и на редкость грациозную, легкую походку. Подчеркивали также ее резвость: во время летних прогулок в Царском Селе Екатерина II развлекалась, наблюдая «за бегом взапуски», и юная великая княгиня, едва касаясь земли, опережала всех дам⁶ (это удивительно, учитывая, что вскрытие после ее смерти обнаружило тяжелый врожденный порок сердца). Уже тогда Елизавета сумела, держась всегда тихо, кротко и скромно, сделать заявку на определенную личную независимость: оставаясь в рамках принятых правил поведения и этикета, она вела себя по-своему. Императрица, любившая юную великую княгиню, относилась к ее своеволию снисходительно. Так, Елизавета наотрез отказывалась румянить щеки при парадных выходах, как было принято при дворе. Однажды даже прогневила Екатерину (редкий случай), появившись на балу в экстравагантном наряде «в греческом стиле», придуманном писавшей тогда ее портрет художницей Э. Виже-Лебрен⁷. А фрейлина В. Н. Головина передает, как однажды выручила Елизавету, вовремя убрав с ее туалетного столика томик «Новой Элоизы» Ж.-Ж. Руссо, чтение которого могла не одобрить императрица⁸.

В ту пору, особенно летом, Елизавету чаще всего видели в легком белом платье-тунике, часто с розами на корсаже, на шляпке, в руках или же окруженную розами, цветущими в горшках. Описывая в корреспонденциях к матери⁹ свое времяпрепровождение, она рассказывала о долгих прогулках, вечерах в обществе императрицы и ее приближенных, чаепитиях у себя в узком кругу, днях, плотно заполненных: великая княгиня много занималась музыкой, брала уроки рисования, учила русский язык, изучала основы православной веры, постоянно читала. Александр после свадьбы продолжал занятия с Лагарпом. Из писем Елизаветы мы узнаем о дружеских и непринужденных отношениях с мужем, о происшествиях с ее собачкой (которая однажды сбежала и была найдена через несколько дней), повседневных мелочах, казалось бы, не вяжущихся с образом обитателей роскошного царскосельского дворца: Александр, оказывается, обожал грызть маленькие черные сухарики (и Константин Павлович разделял это пристрастие), а великая княгиня могла получить в подарок от великосветских соседей блюдо свежих ягод.

И тогда, и в дальнейшем вкусы Александра и Елизаветы совпадали в том, что оба тяготились представительской стороной придворной жизни, этикетом, церемониями: характерно, что в царствование Александра I парадные выходы и балы были сведены к минимуму. При жизни Екатерины великокняжеская чета имела небольшой, положенный по штату двор. Александр увлекся дружбой с братьями князьями Чарторижскими, особенно со старшим —

⁵ Александр I. Сфинкс, не разгаданный до гроба... Каталог выставки. СПб., 2005. С. 324. Кат. 902, 904. Подлинники: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 385. Л. 5; 8. Д. 226. Л. 179.

⁶ Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины. М., 1996. С. 126.

⁷ Там же. С. 150.

⁸ Там же. С. 154.

⁹ После отъезда в Россию Елизавета Алексеевна регулярно переписывалась с матерью вплоть до своей кончины.

Адамом. Елизавета нашла близкую подругу в лице княгини Варвары Головиной, своей фрейлины. В Петербурге жила и ее сестра — незамужняя принцесса Амалия Баденская, они были дружны и очень близки.

Коротко сошлась Елизавета и с великой княгиней Анной Федоровной, урожденной принцессой Кобургской, ставшей женой Константина Павловича. Две юные женщины, волей судьбы оказавшиеся разлученными с родиной, привычным кругом и образом жизни, попавшие к русскому двору с его удивительной пышностью и роскошью, нашли много общего и поддерживали друг друга. Семейная жизнь обернулась для Анны кошмаром: Константин был груб, способен даже ударить супругу. Его, как и Александра, женили чрезвычайно рано, и к семейным отношениям он был явно не готов. Когда Анна Федоровна решилась бежать от мужа — под предлогом пошатнувшегося здоровья уехать на воды в Германию и навсегда остаться в Европе, Елизавета и Александр, посвященные в тайну, поддержали невестку¹⁰. Для императорской фамилии дело было немыслимое, и наследник с женой поступили в этом случае как дети нового времени, ценящие искренность чувств и человеческое достоинство выше матримониальных условий и соображений престижа.

Елизавета Алексеевна уже тогда предпочитала общение в интимном дружеском кругу. В. Н. Головина рисует великую княгиню наделенной сильными чувствами, но умеющей скрывать их от посторонних. И это возвращает нас к нравам эпохи сентиментализма с его культом чувствительности и сопереживания всему окружающему, в том числе (и едва ли не в первую очередь) природе и прекрасному. Следует, впрочем, делать поправку на характер самой Головиной, наделенной, по едкому замечанию еще одной фрейлины, «пылким воображением, которое она величала именем чувствительности»¹¹. При этом мемуары графини были написаны по просьбе самой императрицы, которая читала их фрагменты по мере появления и делала поправки¹². Собственные записки Елизавета Алексеевна не могла надеяться когда-либо предать гласности и пожелала, чтобы о ней рассказала близко знавшая ее Головина, поэтому мы можем хотя бы отчасти доверять этому тексту: там Елизавета предстает такой, какой хотела, чтобы ее увидели потомки.

Дружбу с Головиной уже в царствование Павла I разрушила придворная интрига. Когда в 1799 г. у Елизаветы родилась дочь, была пущена сплетня, будто отец ребенка не Александр, а князь Адам Чарторижский. Причем обставлено дело было так, чтобы в распространении сплетни Елизавета заподозрила Головину. Императрица Мария Федоровна довела эти пересуды до Павла I, и тот, прежде благоволивший к невестке, долгое время потом обходился с ней оскорбительно.

Мы не знаем, верны ли были слухи о романе между Елизаветой и Адамом Чарторижским. Более или менее несомненно, что он был в нее влюблен. Из чрезвычайно осторожных намеков Головиной понятно, что он мог произвести сильное впечатление («это был человек, способный возбудить страсть»)¹³, однако мемуаристка подчеркивает, что великая княгиня не принимала его чувств и тяготилась ими. То же самое как будто бы подтверждает и обнаруженный нами фрагмент тайного дневника Елизаветы, относящегося к более позднему времени и другой любви¹⁴: он производит впечатление написанного женщиной, которой никогда прежде не доводилось переживать адюльтер.

¹⁰ Головина В. Н. Мемуары. С. 207.

¹¹ Эдлинг Р. С. Записки // Государственный сфинкс. М., 1999. С. 170.

¹² Головина В. Н. Мемуары. С. 316, 327–328, 332; ГА РФ. Ф. 706. Оп. 1. Д. 12. Л. 115–115 об., 119–121, 131, 135–135 об. (недатированные письма Елизаветы Алексеевны к Головиной, где упоминается совместная работа над записками о прошлом).

¹³ Там же. С. 151.

¹⁴ Лямина Е. Э., Эдельман О. В. Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны // Александр I. Сфинкс, не разгаданный до гроба. С. 116–131.

Как бы то ни было, указанная коллизия обозначила проблемы в отношениях с Александром. При видимом согласии между супругами отсутствовала глубокая привязанность. Головина считала, что Елизавета осталась непонятой и неоцененной мужем: Александр, относясь к ней дружески, был в то же время едва ли не единственным, кто не разделял общего восхищения ею; она же по свойству своей натуры нуждалась в сильном чувстве. Императрица Мария Федоровна, напротив, винила саму Елизавету: она якобы была слишком горда и сама оттолкнула мужа, искавшего ее сочувствия и привязанности, это он был непонятым и несчастным. Сама императрица-мать в сходных обстоятельствах поступила иначе, поджигаясь к вспыльчивому и непредсказуемому Павлу I (что, впрочем, не исключало бурных семейных сцен) и даже подружившись с фавориткой Нелидовой. Фрейлина Роксандра Стурдза (в замужестве графиня Эдлинг) склонялась к мнению Марии Федоровны: «Привыкнув к обожанию, императрица не могла примириться с мыслью, что ей должно изыскивать средства, чтобы угодить супругу. Она охотно приняла бы изъявления его нежности, но добиваться ее не хотела»¹⁵.

Следующей, после разрыва с Головиной, близкой подругой Елизаветы и поверенной ее тайной любви стала фрейлина княгиня Наталья Голицына, урожденная Шаховская; после ее смерти от чахотки осенью 1807 г. близких подруг, кроме сестры, императрица более не имела.

Воцарение Павла I резко изменило стиль жизни великокняжеской четы. Мария Федоровна требовала соблюдения этикета, бранила невестку за мельчайшие отклонения от него, но самое худшее — установила образ жизни, отнимавший у великой княгини столь важное для нее личное пространство, уединение, погруженность в свой, отгороженный от всех мир. В. Н. Головина сообщает выразительный эпизод: в день коронации Павла I 5 апреля 1797 г. перед началом церемонии Елизавета пришла к императрице-матери в придворном платье (в тот день эти платья были явлены впервые, заменив принятый при Екатерине «русский костюм»), с бриллиантовой брошью на груди, рядом с которой она «приколола несколько чудесных свежих роз». Мария Федоровна «смерила ее взглядом с головы до ног и, не сказав ни слова, грубо сорвала букет с ее платья и швырнула его на землю. «Это не годится при парадных туалетах», — сказала она»¹⁶.

Павел I требовал от близких своеобразно понимаемой им дисциплины, делая выговоры, скажем, за опоздание и за то, что, боясь опоздать к его выходу на прогулку, они ждали его уже в шубах. Осенью 1800 г. императорская фамилия перебралась в Михайловский замок, который был любимым детищем Павла I. Покои оказались мило отделаны, но сырые, и молодая великая княгиня то и дело хворала, на что не полагалось жаловаться. В этой резиденции 11 марта 1801 г. император был убит. Той страшной ночью Елизавета Алексеевна выказала незаурядную силу характера. Она утешала и поддерживала мужа и свекровь.

По вступлении Александра и Елизаветы на престол, с одной стороны, скромность молодой императрицы и ее нелюбовь к демонстративным формам поведения, а с другой — амбициозность и требовательность Марии Федоровны породили весьма необычный тип распределения сил и статуса. «Во время публичных церемоний императрица-мать чаще всего опирается на руку императора. Царствующая императрица идет следом, одна... Нередко случается, что на парадах (я сам был этому свидетелем), войска уже стоят под ружьем, а император сидит на коне, но парад не начинается, потому что

¹⁵ Эдлинг Р. С. Записки. С. 174.

¹⁶ Головина В. Н. Мемуары. С. 179.

императрица-мать еще не прибыла. Всякий, получивший какое бы то ни было назначение или пожалование, отправляется к ней засвидетельствовать свое почтение, поцеловать руку и благодарить, хотя от нее все эти милости и благодеяния никоим образом не зависят. К царствующей императрице с этим не ходят, и если иностранец выказывает по этому поводу удивление, ему отвечают, что это не принято», — так высказывался о роли Марии Федоровны при дворе французский посол Р. Савари осенью 1807 г.¹⁷

Став царствующей государыней, Елизавета отказалась от соответствующего ее сану денежного содержания, оставив себе суммы, которые получала в бытность великой княгиней (200 тысяч рублей). Напротив, Мария Федоровна по кончине Павла I сохранила содержание императрицы (миллион рублей) и значительную его часть тратила на благотворительность, осуществлявшуюся, среди прочего, и в рамках различных коронных учреждений (воспитательных домов, учебных заведений, больниц). Елизавета также отводила немалые средства на благотворительные цели (ее личные траты ограничивались 15 тысячами рублей в год), но старалась этого не афишировать. Разумеется, о ее пожертвованиях зачастую становилось широко известно¹⁸, и публика особенно ценила их подчеркнуто негласный характер.

¹⁷ Политическая переписка генерала Савари во время пребывания его в Петербурге в 1807 г. // Сб. Императорского Русского исторического общества. СПб., 1893. Т. 83. С. 257 (оригинал по-франц.; перевод наш — Е.Л., О.Э.).

¹⁸ См., например, в письме А. Я. Булгакова к брату из Москвы (8 декабря 1824 г.): «<...> говорят, что императрица Елизавета Алексеевна на будущий год оставила только 12 тысяч дохода, то есть по тысяче рублей на месяц, а прочее все отдала на наводненных. Это, однако же, доказывает, какое имеют мнение об ангельском сердце императрицы» (Братья Булгаковы. Переписка. Т. II. Письма 1821–1826 гг. М., 2010. С. 487).

64

Записная книжка императрицы Елизаветы Алексеевны с записями фамилий и адресов лиц, обращавшихся к ней за материальной помощью, и с пометками о выдаче или (реже) отказе

The notebook of Empress Elizabeth Alexeievna with records of names and addresses of persons who turned to her for financial assistance and notes on disbursement or (less commonly) denial

1820–1822 гг.

Франц. и рус. яз.

Бумага, чернила; рукопись; переплет — кожа, металл, вышивка

12,5 x 10,2 x 1,7 см; вышивка: 4,3 x 3,1 см

ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 6

Обе обложки по периметру и корешок украшены орнаментом; в центре верхней обложки под стеклом вышивка крестом по канве.

И. З.

В первой половине 1800-х гг. Александр и Елизавета стали еще неуклоннее отдаляться друг от друга. Неизвестно, произошли между ними какие-то размолвки или виной была возникшая тогда влюбленность Александра в красавицу Марию Антоновну Нарышкину, урожденную княжну Четвертинскую. Если верить В. Н. Головиной, Александр начал обращать внимание на эту даму во время масленичных праздников 1801 г., то есть еще при Павле I¹⁹. Позднее, в 1814 г., сам император позволил себе откровенность в разговоре с Р. Стурдзой, состоявшемся вскоре после того, как Нарышкина попросила императора о разрыве их многолетней связи: «Я виноват, но не до такой степени, как можно думать. Когда домашнее мое благополучие помутилось от несчастных обстоятельств, я привязался к другой женщине, вообразив себе (разумеется, ошибочно, что теперь сознаю ясно), что так как союз наш (с Елизаветой. — *Е. Л., О. Э.*) заключен в силу внешних соображений, без нашего взаимного участия, то мы соединены лишь в глазах людей, а перед Богом оба свободны. Сан мой заставлял меня уважать эти внешние условия, но я считал себя вправе располагать своим сердцем, которое и было в течение пятнадцати лет отдано Нарышкиной»²⁰. Среди исследователей принято скептически относиться к этому свидетельству, считая неискренними слова Александра в той части, которая касается сердечной свободы его супруги²¹. Однако мы полагаем, что записанное Стурдзой признание заслуживает большего доверия.

Фактически оставленная мужем Елизавета страдала тем более, что сильно тосковала по материнству. Родившаяся в 1799 г. девочка умерла в младенчестве, других детей не было, как и супружеских отношений, судя по ее осторожным намекам в письмах к матери. Неудивительно, что молодая, с выдающимся характером и развитым литературой воображением, жаждавшая глубокого чувства женщина обратила взоры на другого мужчину. Героем ее тайного интереса, увлечения, а затем романа стал ее ровесник (род. в 1780 г.) очень красивый кавалергардский офицер Алексей Охотников. Дошедший до нас фрагмент дневника императрицы свидетельствует, что в начале 1803 г. это чувство уже вступило в фазу интенсивного развития: Елизавета тщательно записывала все моменты, когда ей удавалось видеть Охотникова. Придворный этикет исключал для нее любой разговор с молодым человеком, а тем паче свидание, да и вообще все, что можно было бы интерпретировать как знак личного внимания. Ежедневно императрица отправлялась на прогулку, каталась по улицам Петербурга, по набережной Невы, у Летнего или Таврического сада выходила из экипажа и шла пешком. И каждый день несколько раз ей на глаза попадался Алексей Охотников: проезжал навстречу, обгонял, оказывался на той же дорожке в саду. Она видела его мельком, проходя по залам Зимнего дворца в церковь, в Эрмитажном театре. Между ними происходил внешне неприметный, но эмоционально накаленный обмен краткими взглядами, она отмечала нюансы выражения его лица, мелкие жесты. Взглянув в окно и неожиданно увидев его проходящим по улице, она записывала, что испытала бурю чувств, подобных извержению вулкана.

Елизавета Алексеевна не была искушена в завязывании романтических отношений: она смущалась, стеснялась, обостренно переживала, гадала о чувствах увлекшего ее молодого человека. С переездом летом во дворец на Каменном острове прогулки стали более длительными, а возможности для встреч более разнообразными. Императрица стала обнаруживать свои ини-

¹⁹ Головина В. Н. Мемуары. С. 229.

²⁰ Эдлинг Р. С. Записки. С. 211.

²¹ См. например: *Исмаил-Заде Д. И.* Императрица Елизавета Алексеевна: Единственный роман императрицы. М., 2002. С. 79.

циалы, слова признаний, вырезанные на коре деревьев в укромном уголке парка («Я был здесь, чтобы видеть вас»), потом даже ответила — вырезала инициалы молодого человека. В другой раз она услышала, как, проходя по дворцовому парку, Охотников напевал модную салонную песенку, содержащую слова о любви к Лизе, — явно с расчетом, что она услышит. А однажды случилось событие, в тех условиях исключительное: собачка императрицы подошла к Охотникову в парке и обнюхала его, что вызвало у ее хозяйки новую бурю эмоций — это был почти интимный контакт.

Потайной дневник Елизаветы — уникальный документ, приоткрывающий внутренний мир женщины эпохи раннего романтизма, которая умеет кратко, почти вскользь, но очень точно описывать свои чувства, причем не *post factum*, на склоне дней, а по горячим следам. Несколько раз она принимала решение пресечь опасную игру, старалась избегать встреч, но снова увидев Охотникова, признавалась себе, что влюблена. Эта любовь была драматичной не только из-за статуса Елизаветы. В январе 1804 г. она узнала, что Охотников болен, и серьезно. Возможно, это заставило ее решиться на сближение.

После смерти Елизаветы Алексеевны весной 1826 г. Николай I, разбирая ее бумаги, нашел портрет Охотникова и письма, которые свидетельствовали о том, что роман состоялся. Кавалергард тайком пробирался в покои императрицы на Каменном острове и в Таврическом дворце, пользуясь прямым выходом от нее в сад. Документы эти были немедленно сожжены, но предварительно Николай дал их прочесть своей жене Александре Федоровне и императрице-матери. Шокированная Александра Федоровна записала об этом в своем дневнике, добавив несколько цитат из писем.

3 ноября 1806 г. Елизавета родила своего второго ребенка — дочь, отцом которой, вероятно, был Охотников. Тогда же он подал прошение об отставке «за грудной болезнью» (чахоткой)²², а 30 января следующего года умер. Императрица долго и тяжело болела, в глазах окружающих — никак не могла оправиться после родов. Обожаемая ею дочь Лиза умерла, не дожив до двух лет. «Молодая императрица в отчаянии от потери ребенка. Не могут добиться, чтобы она плакала: она как каменная», — писал осведомленный современник²³. Только после смерти девочки Александр I признался однажды матери, что не был ее отцом. Для придворных роман императрицы остался тайной.

Потеряв возлюбленного, обоих детей, затем ближайшую подругу княгиню Н. Ф. Голицыну, Елизавета Алексеевна еще глубже ушла в себя и свой, сугубо частный мир. Она жила довольно замкнуто, по необходимости участвуя в придворных церемониях, обмениваясь обязательными визитами. Помимо Головиной, рано покинувшей двор, относительно пространное воспоминание о Елизавете оставила только Р. Стурдза, которая состояла при императрице с 1812 г. Эта фрейлина считала, что у ее государыни «воображение... пылкое и страстное, а сердце холодное и не способное к настоящей привязанности», и упрекала ее в раздражительности, замечая, что «та нравственная высота, на которой она себя чувствовала в тиши своего кабинета, далеко еще не достигнута ею»²⁴. Однако Стурдза наблюдала пережившую глубокое горе и, вероятно, душевно опустошенную женщину. О последующих годах императрицы свидетельства не слишком многочисленны и отрывочны, из них ясно прежде всего, что монотонная и малозаметная жизнь была ее осознанным выбором.

²² РГВИА. Ф. 3545. Оп. 4. Д. 2070.

Л. 17–18, 30–32; О вехах этого романа см.: *Лямина Е. Э., Эдельман О. В.* Дневник императрицы Елизаветы Алексеевны // Александр I. Сфинкс, не разгаданный до гроба. С. 116–131; *Эдельман О. В.* Императрица Елизавета Алексеевна и кавалергард Алексей Охотников // Отечественная история. 2007. № 2. С. 169–179; *Лямина Е. Э., Эдельман О. В.* Пленительные мгновения: Сердечная тайна императрицы Елизаветы Алексеевны // Родина. 2011. № 7. С. 53–57; *Эдельман О. В.* Развитие чувств: императрица Елизавета Алексеевна в Таврическом дворце // Таврические чтения 2009 (Часть III). Три века под сенью Таврического дворца: политика, дипломатия, литература, искусство. Международная научная конференция. С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сборник научных статей. Ч. 2. СПб., 2011. С. 57–62.

²³ Братья Булгаковы. Переписка. Т. I. Письма 1802–1820 гг. М., 2010. С. 122 (письмо А. Я. Булгакова от 11 мая 1808 г.).

²⁴ *Эдлинг Р. С.* Записки. С. 173, 187.

Елизавета не вмешивалась в политику, не пыталась влиять на решения Александра I, за исключением одного момента, когда она решительно поддержала мужа. Это случилось после сдачи Москвы в 1812 г.: «Императрица Елизавета Алексеевна, женщина характера благородного и возвышенного, но чрезвычайно скромная и обыкновенно любившая оставаться незамеченной, в это время проявила себя с особливим достоинством и заслужила всеобщую любовь: было известно, что она разделяла и всячески поощряла твердую решимость государя вести борьбу до конца»²⁵. Она старалась ободрять и утешать императора, поручила своим фрейлинам бывать в столичных гостиных и «опровергать нелепые слухи и клеветы, распространяемые про двор»²⁶, помогала военнопленным. По окончании войны и своего европейского вояжа (конец 1812 — весна 1815 г.; в 1818–1819 гг. было предпринято еще одно путешествие — в Германию, к родным) императрица снова ушла в тень.

А. Е. Розену, в ту пору молодому офицеру лейб-гвардии Финляндского полка, запомнилась минутная встреча с ней в петергофском парке: она ехала «на откинутых парных дрожках к беседке Монплезиру в одежде скромной, как лицо частное; но черты ее лица выражали все, что называется добродетелью»²⁷. Стихотворные надписи к портретам Елизаветы Алексеевны, тексты, прямо или косвенно к ней обращенные, в том числе посвящения ей печатных и рукописных сочинений и переводов, единодушно опираются именно на слово «добродетель», ставя во главу угла аскетизм публичного поведения императрицы: от карамзинского «В благотворениях ей только Бог свидетель; // Хвалима... но пред ней безмолвствует хвала» (1819) до более известных строк «Я пел на троне добродетель // С ее приветною красой <...> // И неподкупный голос мой // Был эхо русского народа» (Пушкин. «К Н. Я. Плюсковой», 1819). Внутреннее же, приватное пространство жизни императрицы, куда допускались весьма немногие, было заполнено интеллектуальной жизнью, глубокой, разнообразной и отмеченной редким сочетанием рефлексии и созидательности. Елизавета всегда много читала в разных областях: изящная словесность, мемуары, книги по истории, искусству, описания путешествий, нравоописательные и философские трактаты — на трех, как минимум, европейских языках (помимо родных немецкого и французского, на английском), и делала в своих альбомах выписки. Замечательно, что некоторые из этих цитат она затем использовала как собственный дневник, выставляя рядом с ними даты, для нее значимые. Так, альбом, заполнявшийся преимущественно в период ее увлечения Охотниковым²⁸ (начат, судя по владельческой помете, в сентябре 1803 г. в Таврическом дворце), при сопоставлении с ее же тайным дневником обнаруживает выразительные зарисовки душевного состояния императрицы²⁹. Он открывается выпиской из французского перевода «Страданий юного Вертера» Гете (в свою очередь, напомним, написанных в форме дневника), знаменитым пассажем о любви: «Вильгельм, что нам мир без любви! То же, что волшебный фонарь без света. Едва тыставишь в него лампочку, как яркие картины запестреют на белой стене! И пусть это будет только мимолетный мираж, все равно мы, точно дети, радуемся, глядя на него, и восторгаемся чудесными видениями. Сегодня мне не удалось повидать Лотту: докучные гости задержали меня. Что было делать? Я послал к

²⁵ Воспоминания А. П. Бутенева о 1812 годе // Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. М., 2008. С. 132–133.

²⁶ Эдлинг Р. С. Записки. С. 178.

²⁷ Розен А. Е. Записки декабриста / Публ. Г. А. Невелева. Иркутск, 1984. С. 92.

²⁸ ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 2.

²⁹ Параллелизм интимного дневника и альбомов императрицы впервые отмечен: Гречаная Е. П. Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи (1797–1825). М., 2002. С. 217–222; здесь же подробно о литературе, из которой делались выписки, и их функции.

ней слугу, чтобы иметь возле себя человека, побывавшего близ нее. С каким нетерпением я его ждал, с какой радостью встретил! Если бы мне не было стыдно, я притянул бы к себе его голову и поцеловал. Говорят, что бононский камень, если положить его на солнце, впитывает в себя солнечные лучи, а потом некоторое время светится в темноте. Чем-то подобным был для меня мой слуга. Оттого что ее глаза останавливались на его лице, баках, на пуговицах ливреи, на воротнике плаща, — все это стало для меня такой святыней, такой ценностью! В тот миг я не уступил бы его и за тысячу талеров. В его присутствии мне было так отрадно. Упаси тебя Бог смеяться над этим! Вильгельм, мираж ли то, что дает нам отраду?»³⁰ Рядом другими чернилами зачеркнуто: «Окт<ябрь>» — надо полагать, 1802, 1803 или 1804 гг., когда основную материю отношений с Охотниковым составляли именно взгляды.

А подле пространного фрагмента из трактата госпожи де Сталь «О влиянии страстей на счастье людей и народов» (1796), где описаны муки, которые испытывает человек, всецело поглощенный нарождающейся любовью, но вынужденный таить ее от всех, даже от самых близких друзей, Елизавета, явно существенно позже, ставит дату: «Ноя<брь> 1804 г.», потом исправляет — «1803 г.»³¹ Альбом, таким образом, не только служил потребности постоянного общения с излюбленными, всесторонне прочувствованными и обдуман-ными наблюдениями и мыслями, но позволял возвращаться к пережитым эмоциям, к себе, эти эмоции испытывавшей, соотносить себя тогдашнюю с собой нынешней. В основе этого феномена лежит очень сильное тяготение к самоанализу и фиксации собственной душевной биографии, характерное для эпохи в целом, а в случае Елизаветы Алексеевны павшее на особенно благодатную почву.

Много читала императрица и по-русски. Русским языком и словесностью она по собственному желанию всерьез занималась и в 1810–1813 гг., уже свободно на нем говоря, чем была обязана как наставникам (в частности, поэту М. Н. Муравьеву), так и своему упорству и способностям: положенный немецким принцессам — невестам и новобрачным российских великих князей — «подготовительный курс» такого уровня, конечно, не давал³². Русским Елизавета владела настолько хорошо, что в период пребывания двора в Москве в 1817–1818 гг. посещала Архив Коллегии иностранных дел и знакомилась с документами Посольского приказа. Скорее всего, отечественной историей³³ императрицу особенно заинтересовал Н. М. Карамзин, вскоре после переезда в Петербург в 1816 г. ставший частым ее посетителем и доверенным собеседником. Тексты, причем самые разные, играли в их общении ключевую роль: Елизавета слушала в авторском исполнении «Историю Государства Российского»³⁴, они читали друг другу сочинения Карамзина и — красноречивая деталь — императрица выразила желание завещать историографу свои записки. При этом одни отрывки она читала вслух, для знакомства с другими отдавала тетрадь ему в руки и просила читать про себя³⁵.

Характерное для Елизаветы Алексеевны внимание к книжным новинкам зафиксировала графиня С. Шуазель-Гуфье, представленная ей летом 1825 г. Императрица рассуждала, в частности, о романах Вальтера Скотта, «восхищающего ее своим воображением, и отзывалась о них с той тонкостью ума и суждения, которая проявлялась во всем, что она говорила»³⁶.

³⁰ ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–3 об. Цитата из романа приведена в пер. Н. Г. Касаткиной.

³¹ Там же. Л. 5–5 об.

³² О курсах, взятых Елизаветой Алексеевной, см.: *Киселева Л.* Жуковский — преподаватель русского языка (начало «царской педагогики») // Пушкинские чтения в Тарту. Вып. 3. Тарту, 2004. С. 202–204.

³³ О желании изучить Россию свидетельствует и прослушанный ею в начале 1810-х гг. курс статистики (материалы его см.: ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Кн. 2. Д. 1367).

³⁴ Письма Н. М. Карамзина к его супруге: 1816 г. // Русский архив. 1911. № 8. С. 591.

³⁵ См.: *Николай Михайлович, вел. кн.* // Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 3. СПб., 1909. С. 16.

³⁶ *Шуазель-Гуфье С.* Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе. М., 2007. С. 203–204.

65

Альбом императрицы Елизаветы Алексеевны с записями разного содержания

The album of Empress Elizabeth Alexeievna with various notes

1811–1824 гг.

Франц. и рус. яз.

Бумага, чернила; обложка: кожа, шелк, металл, хрустальное стекло; акварель; листы с золотым обрезом
20,0 x 12,5 x 2,0 см; разворот: 42,0 x 12,5 см

ГА РФ. Ф. 658. Оп. 1. Д. 117

На верхней обложке под хрустальным стеклом в круглой металлической оправе (8,5 см) акварель
с подписью: «Шествие Его Императорского Величества в стольный град Москву 6 декабря 1809 года»

«Уважение к государству, доверенность к его поступкам и почтение к его твердости суть
существенные силы, усугубляющие его могущество. Май 1812.

Деревня Клин на берегах Оки была в старину наследственным поместьем Романовых...

Екатерина Вторая пожаловала это славное в целой России село господину Измайлову.

(Надо бы было сделать его удельным)».

И. З.

Еще в 1801 г. современник отмечал, что помимо чтения Елизавета любила музицирование: «Письменный стол с лежащими на нем книгами, фортепиано мастерской «Longmann & Broderip» гласят о том, что здесь (в кабинете великой княгини. — *Е. Л., О. Э.*) поселилась не одна муза, но несколько»³⁷. Она играла также на арфе и гитаре (и многое сделала для становления и развития гитарной музыки в России), хорошо пела — Головина пишет о ее «нежном красивом голосе», приводившем слушателей в восторг. А о том, что русская императрица имела репутацию музыкантши и ценительницы музыки, говорит хотя бы тот факт, что ей, как и Александру, посвятил свои произведения Л. Бетховен, представленный Елизавете во время Венского конгресса. Императрица вручила тогда композитору денежный приз в 100 дукатов за три преподнесенные Александру I скрипичные сонаты (император играл на скрипке). В следующем, 1816 г. Бетховен посвятил ей фортепианное переложение Седьмой симфонии ор. 92, выполненное К. Черни³⁸. Обширное собрание принадлежавших Елизавете Алексеевне нот³⁹ демонстрирует широту ее музыкальных интересов. В этой области императрицу также отличало стремление представлять себе не отдельные явления, но панораму в целом.

Трудно судить, что тому причиной — скромный образ жизни Елизаветы Алексеевны или ее отстраненность от императорской семьи, но после нее почти не осталось вещей. В музеях нет ее платьев, очень мало разнообразных мелочей, которые обычно хранят память о других царицах: перчаток, всеров, изящных записных книжек; не обнаружено ни одного шифра с ее вензелем. Уловить образ этой императрицы, ее стиль мы можем, лишь вдумываясь в то, что она читала, играла, пела.

*Екатерина Лямина,
Ольга Эдельман*

³⁷ L'annee la plus remarquable de ma vie... par A. de Kotzbuë. T. 2. P. 203.

³⁸ Воспоминая Бетховена: биографические заметки Франца Вегелера и Фердинанда Риса / Пер. с нем., вступ. ст. и коммент. Л. Кирилловой. М., 2007. С. 130, 173, 188.

³⁹ Хранится в Отделе рукописей Российского института истории искусств (Санкт-Петербург).